

Aleksandra Szymańska

Образы мстителей в «Безотцовщине» А. П. Чехова. Герой в ситуации возмездия

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica nr 3, 52-59

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ALEKSANDRA SZYMAŃSKA
Łódź (Polska)

ОБРАЗЫ МСТИТЕЛЕЙ В БЕЗОТЦОВЩИНЕ А. П. ЧЕХОВА. ГЕРОЙ В СИТУАЦИИ ВОЗМЕЗДИЯ

О сходстве Платонова – героя юношеской пьесы Чехова *Безотцовщина*¹ – с Дон Жуаном писали многие исследователи его творчества, в том числе Р. Сливовский, Р. Пшибыльский, В. Катаев, В. Гульченко, О. Комиссарова². Ученые обращали внимание на донжуанское поведение героя в ситуации с женщинами, отмечали его магнетическую силу воздействия на них и заодно подчеркивали его отличие от традиционного испанского соблазнителя, часто называя его «русским Дон Жуаном»³.

Однако, не только фигура Платонова, но и фигуры других героев чехововской пьесы, что обошли молчанием исследователи, вызывают ассоциации с донжуановской фабулой. Неотъемлемым ее элементом, кроме походов и любовных приключений известного любовника, является возмездие, исполнителем которого является Командор, а точнее его каменное отражение в виде надгробной статуи. В данной статье обратим внимание именно на тех героев драмы *Безотцовщина*, которым Чехов приписал роль мстителей, и постараемся обнаружить использование автором ситуации возмездия.

Под понятием «ситуация» подразумевается нами такой отрезок сюжета, в котором участвует пара действующих лиц, связанных одним и тем же отношением. Ситуация характеризуется неразложимостью и непрерывностью. Она возникает в результате появившегося между героями произведения напряжения. Ее

¹ В судьбе первой юношеской пьесы Антона Павловича Чехова много загадочного. Утраченный титульный лист породил путаницу относительно заглавия пьесы. Долгое время она считалась *Пьесой без названия*. В воспоминаниях младшего брата писателя пьеса упоминается под заглавием *Безотцовщина*, под этим именем она и вошла в полное собрание сочинений писателя. В польском театральном обиходе драма более известна как *Платонов*.

² См.: R. Przybylski, *Don Juan jako gaduła. «Platonow» A. Czechowa*, [в:] R. Przybylski, *Wtajemniczenie w los. Szkice o dramatach*, Warszawa 1985; В. Б. Катаев, *Литературные связи Чехова*, Москва 1989; В. В. Гульченко, *Платонов и Дон Гуан (Проблема Дон Жуана в произведениях А. С. Пушкина «Каменный гость» и А. П. Чехова «Безотцовщина»)*, [в:] *Чеховiana. Чехов и Пушкин*, под ред. В. В. Гульченко, Москва 1988; О. В. Комиссарова, *«Вечные образы» в творчестве А. П. Чехова*, Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 2002.

³ R. Śliwowski, *Antoni Czechow*, Warszawa 1965, с. 452.

зарождение связано, чаще всего, со страстью, овладевшей одним из героев⁴.

В ситуации возмездия участвует герой-мститель, напоминающий, благодаря авторским намекам, мстящего Командора, и его «жертва», призывающая на память легендарного соблазнителя. Анализ ситуации возмездия в драме Чехова позволит нам выявить степень сходства чеховских мстителей с Командором, а также возможную причину и цель обращения Чехова к этому элементу донжуановской фабулы.

Как отмечает В. Б. Катаев, Чехова привлекала возможность «придать, через мифологические и литературные параллели, глубину и перспективу изображаемому. Рассказывая ту или иную современную историю, в то же время комментировать ее с точки зрения более широкой перспектив»⁵. На основании вышесказанного можем полагать, что Чехова не интересовала очередная разработка донжуановского сюжета, которая сохраняла бы, при всех вариациях, известную связь с первоначальной версией легенды. Современный сюжет, придуманный молодым драматургом, благодаря использованию ситуации возмездия и ассоциативных связей, должен был приобрести новую, по отношению к традиционному сюжету, смысловую и ассоциативную насыщенность.

Юношеская пьеса Чехова не сохраняет пространственно-временных координат легенды о Дон Жуане и возмездии Командора. Однако, при всем своеобразии фабульной стороны драмы Чехова, так же как и ее героев, ощущается родственность изображаемого положения. В данный момент обоснованным кажется напомнить вкратце тот эпизод донжуановской фабулы,двигающим мотивом которого является именно мотив возмездия.

Одержавший над своей очередной жертвой – вдовой Командора – победу, Дон Жуан в приливе счастья приглашает к себе статую Командора, венчающую его склеп. Та появляется на его зов и пожатием каменной десницы стягивает грешника в ад.

В ранней пьесе Чехова, на наш взгляд, появляются два героя, наделенные автором некоторыми признаками Командора и поставленные в традиционную для донжуановской фабулы ситуацию возмездия, – это конокрад Осип и Софья Егоровна Войницева.

⁴ E. Souriau, *Czym jest sytuacja dramatyczna?*, пер. В. Labudy, [в:] *Studia z teorii literatury*, т. 2, под ред. К. Bartoszyńskiego, Wrocław 1988, с. 270–272; *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*, под ред. Н. Д. Тамарченко, Тула 2008, с. 233.

⁵ В. Б. Катаев, *Литературные связи Чехова*, Москва 1989, с. 85.

Имя Осипа приводилось исследователями обычно в контексте анализа образа разбойника в произведениях Чехова. И. Н. Сухих отметил сходство его образа с последующими разбойниками автора *Безотцовщины*, а точнее с Мериком из драматической этюды *На большой дороге* и рассказа *Воры*. По мнению ученого, Осип стал родоначальником «романтического героя в творчестве Чехова»⁶.

Только современный исследователь В. В. Гульченко обратил внимание на конокрада Осипа как на «чеховского функционера *возмездия*», который «с одинаковым рвением творит справедливое зло, пытаясь осуществить заказное избиение или даже убийство „нехорошего“ Платонова, и справедливое добро, не давая одной из жертв уездного Дон Жуана – Саше, последовать самоубийственному примеру Анны Карениной»⁷.

В драме Чехова с самого начала образ мстителя Осипа снижается по сравнению с традиционным образом мстителя Командора. Осип – это конокрад и разбойник. В своем поведении он никаким образом не напоминает легендарного Командора – уважаемого, соблюдавшего законы гражданина.

Появление Осипа в первом действии чеховской пьесы вызывает волнение гостей вдовы Анны Петровны. Особо усердно нападает на Осипа Платонов. «Уездный Дон Жуан» утверждает, что Осип «самый страшный из людей» и «ужаснейший из смертных»⁸. Характеристика, данная Платоновым, подчеркивает не только скверный характер Осипа, но также его принадлежность к миру живых. Итак, попытка наказания в драме Чехова произойдет от руки живого человека, а не каменного изваяния, символизирующего загробное мщение. Ситуация возмездия в пьесе Чехова, лишается, таким образом, свойственной ей в традиционном варианте легенды о мстящем Дон Жуану Командоре окраски некой тайны, недоговоренности, а даже мистики. Попытка Осипа убить Платонова получает другое освещение – не столько универсальное, т.е. наказание грешника, сколько земное, т.е. наказание соблазнителя.

⁶ И. Н. Сухих, *Проблемы поэтики А. П. Чехова*, Ленинград 1987, с. 12.

⁷ В. Гульченко, *Платонов и Дон Гуан (Проблема Дон Жуана в произведениях А. С. Пушкина «Каменный гость» и А. П. Чехова «Безотцовщина»)*, [в:] *Чеховяна. Чехов и Пушкин*, под ред. В. В. Гульченко, Москва 1988, с. 214.

⁸ А. П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Пьесы 1878–1888*, т. 11, Москва 1978, с. 39. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием в скобках номера страницы.

Очередные эпитеты, которыми определяет Осипа Платонов, «чертов кум» и «шестьсот шестьдесят шесть», рисуют его как названного брата дьявола. Сношения Осипа с дьяволом, по мнению Платонова, делают его безнаказным, так как он подвергается иным, чем обыкновенные смертные, законам.

Образ Осипа дополняется такими определениями как: «кровожадное животное современного зоологического музея» [40], «человекоубийца» [40] и «циник» [41]. Оказывается, что чеховский мститель, вместе со своей традиционной каменной ипостасью, потерял свою гордость и достоинство и стал похож на животное. Чехов изобразил своего мстителя в облике далеком от импозантности, пародийном по отношению к легендарным атрибутам Командора. Осип в глазах Платонова лишен не только черт мстителя, но и разбойника. Лишь иронически Платонов называет Осипа «богатырь», «Илья Муромец» и «храбрый победоносный росс» [41]. Ироническая характеристика Осипа на самом деле преисполнена грустью. Платонов замечает, что это жизненные обстоятельства заставили Осипа – человека с богатой натурой под стать богатырям – превратиться в конокрада и убийцу.

Не только внешние атрибуты и жизненная философия отличают Осипа от традиционного мстителя Командора. У Осипа другие, чем у Командора, побуждения наказать соблазнителя Платонова. Командор, напомним, появляется по приглашению гордого, только что одержавшего победу над сердцем вдовы, Дон Жуана. Приглашение от имени соблазнителя является для Командора очередным вызовом соперника, делом чести. Осип же, в первый момент, решается избить Платонова по заказу желающего сравнять с Платоновым счет Венгеровича¹, т. е. руководствуется низменными побуждениями. Движущей силой будущего наказания являются деньги.

Однако, в конечном счете, это не обещание Венгеровича¹ наградить Осипа, а ряд других обстоятельств влияет на его твердое решение наказать Платонова. Первым толчком является подслушанный Осипом разговор Платонова с Софьей, в котором скучающий соблазнитель издевается над влюбленной в него женщиной и обижает ее. В данный момент Осип, подобно Командору, принимает на себя роль защитника женской чести. Вторым толчком является ухаживание Платонова за Анной Петровной, в которую Осип был сильно влюблен. Итак, Осипа

с Командором сближает чувство ревности и уязвленное самолюбие. Последним побуждением принять на себя роль мстителя является желание отомстить Платонову за оскорбление им жены соблазнителя – Саши. На этот раз Осип, желая помочь незащищенной жертве «уездного Дон Жуана», принимает на себя роль покровителя.

Появление желающего убить Платонова Осипа и последующие за этим события приводят на память ситуацию возмездия, в которой в традиционной легенде участвовали Дон Жуан и Командор. Осип-мститель появляется перед Платоновым столь же неожиданно, что и Командор перед Дон Жуаном. Чеховский мститель на момент своего появления, подобно Командору, выбирает решающий для судьбы соблазнителя момент. Дон Жуан только что осознал, что он нашел в Донне Анне свой идеал. Платонов, которому не под силы было выполнить данное Софье обещание уехать вместе с ней и начать новую жизнь, принял предложение генеральши сбежать от проблем именно с ней. Ассоциации с донжуановской фавулой вызывает в пьесе Чехова также «приветственная речь» Платонова, в которой он называет Осипа «важной персоной» [138]. В приветствии Платонова чувствуется ирония, присущая и легендарному соблазнителю Дон Жуану при появлении Командора.

Чехов воспользовался еще одним характерным для традиционной донжуановской легенды элементом – мотивом страха соблазнителя перед лицом появившейся статуи. Осип-мститель подобно Командору желает увидеть в лице своего соперника ужас. Однако, вместо проявления симптомов страха, Осип получает от Платонова пощечину. Жертва на один миг превращается в мстителя. Благодаря такому решению Чеховым достигается эффект неожиданности. Ситуация наказания Платонова-донжуана в освещении Чехова приобретает не только иронический, но и бытовой характер. Осип-мститель появляется не в ипостаси грозной статуи, а утомленного человека с болезненным выражением лица, который сразу после приветствия садится от усталости на диван.

Делу наказания предшествует разговор мстителя с его жертвой на тему их душевного состояния. В традиционном сюжете Дон Жуан в последний момент перед смертью исповедался, а Командор или молчал, или призывал Дон Жуана к покаянию.

Чехов предоставляет слово как жертве, так и мстителю. Оба героя раскрывают причину своей болезни. Сами ставят себе диагноз. В болезни Осипа виноват черт, с которым он вступил в тайные сношения («Меня черт берет...» [139]). Платонов сам является причиной своей болезни («Я с чертом не знаком... Я сам себя беру...» [139]). Во время разговора Осип выявляет Платонову причину наказания в словах, которые могли бы быть жизненным кредо Командора: «Не трогай того, что не для тебя положено!» [141]. Осип выступает здесь не только в роли ревнивого соперника, влюбленного в одну из жертв Платонова. Можем предположить, что он имеет в виду не одну Анну Павловну, но также замужнюю Софью. Осип пытается наказать Платонова от имени его жертв: соблазненных женщин и выставленных на посмешище мужей и поклонников.

В сцене попытки наказания Платонова Чехов использовал также характерный для донжуановской фабулы мотив пожатия мстителем руки своей жертвы. Однако, в освещении Чехова этот жест приобретает иронический, а даже фарсовый характер. Когда в разгаре борьбы Осип сжимает руку Платонова, тот, неустрашимый и дерзкий до сих пор мужчина, испытывает физическую боль, начинает стонать и просит, чтобы Осип выпустил из рукопожатия его болящую ладонь.

Окончательно Осипу, из-за вмешательства Саши, не удастся наказать Платонова. Начатое им дело свершит выстрелом из револьвера Софья Егоровна – очередной герой чеховской пьесы, в котором можем заметить сходство с Командором.

Информация, данная Чеховым в списке действующих лиц, касающаяся семейного положения Софьи, наводит читателя на мысль, что в основе пьесы положен конфликт, держащийся на любовном треугольнике: соблазнитель – муж – жена. И на самом деле, на первый взгляд, отношения между Платоновым, Софьей и Войницевым напоминают мелодраматический сюжет, основанный на любви, измене и ревности. Ощущение мелодраматизма достигается в пьесе за счет использования Чеховым ряда мелодраматических эффектов, таких как: подслушивания, подмены, тайные заговоры, ложные подозрения, скрытые до времени обстоятельства, выстрел из револьвера в финальной сцене. Новую глубину произведению, а точнее последней сцене наказания

Платонова Софьей, придает рассмотрение ее в ключе характерной для донжуановской фабулы ситуации возмездия.

По ходу развертывания действия пьесы, Чехов делает несколько раз намеки, позволяющие увидеть в Софье не только жертву «уездного Дон Жуана», но и мстителя наподобие Командора. Ассоциации того рода вызывает сравнение Софьи со статуей. Впервые это сходство отмечает Трилецкий, говоря о Войницевой «Лед! Камень! Статуя! Так и хочется подойти к ней и соскоблить с ее носа капельку гипса...» [74] Тем самым Трилецкий выражает свое презрение к гордости и надменности Софьи, а также отсутствие в ней жизни и человеческих эмоций. Отсутствие жизненных сил в героине замечает также ее муж, призывая ее: «Живи, пока живется!» [62]. Действительное омертвление Командора трансформируется в пьесе Чехова в эмоциональное омертвление Софьи.

Сходство героини с каменной статуей замечает также Платонов. Герой спрашивает себя: «Неужели эта прекрасная, мраморная женщина с чудными волосами в состоянии полюбить нищего чудака?» [116]. В высказывании Платонова содержится восхищение мраморной, т. е. монументальной красотой героини. Следует отметить, что сравнение Трилецким и Платоновым Войницевой со статуей содержит разные смыслы. Софья-статуя, какой видит ее Трилецкий, сделана вовсе не из мрамора, а из гипса, который может только напоминать драгоценный мрамор. Трилецкий замечает, что жеманная, ленивая и болтливая Войницева, лишь подражание идеалу. Оказывается, что от прежнего идеала женской красоты остались лишь волосы героини.

Не только внешнее сходство героини со статуей, но и ее поведение позволяет нам увидеть в ней черты Командора. Оскорбленная Платоновым и выставленная им на посмешище, Войницева принимает на себя роль мстителя. Униженная женщина, мужу которой не под силы было защищать ее честь (Войнецев вместо того, чтобы вызвать Платонова на дуэль, рыдает у него в комнате и просит вернуть жену), принимается за дело наказания, стреляя в Платонова из револьвера.

Выявленные нами ассоциации в обрисовке Чеховым Софьи как Командора и, упомянутые в начале статьи, донжуановские черты Платонова позволяют прочесть финал чеховской пьесы в ключе ситуации возмездия. Использование этой ситуации, на

наш взгляд, помогло начинающему драматургу преодолеть мелодраматизм.

Благодаря введению ситуации возмездия, наступил расширенный перенос свойств и качеств таких литературных персонажей как Командор и Дон Жуан на героев его пьесы. Чехов не просто восстановил хорошо известные образы, а обогатил их дополнительными смыслами.

Другое дело, что литературные прообразы Командора и Дон Жуана переиначиваются Чеховым, снижаются и обытовляются. История легендарного соблазнителя и мстящего Командора изображена Чеховым в повседневности, в обыденности. Эхо донжуановской фабулы в пьесе Чехова придает новую глубину произведению. Позволяет прочитывать его в ироническом плане.

Summary

ALEKSANDRA SZYMAŃSKA

IMAGES OF AVENGERS IN ANTON CHEKHOV'S *FATHERLESSNESS*. THE HERO IN THE SITUATION OF A REVENGE

The aim of this article is to analyze the images of the two heroes of Chekhov's early drama – the horse-thief Osip and Sophia Voynitseva, as characters that are similar to Commander, one of the heroes of the Don Juan story. A response to the Commander in *Fatherlessness* allows us to interpret Chekhov's play in an ironic way and contributes to new value of this drama.

Key words: Anton Chekhov, *Fatherlessness*, Commander, the situation of the revenge.